

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

УДК 340.121

Таран П.Е.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗЛИЧИЯ КАНТОВСКОГО И ГЕГЕЛЕВСКОГО ВАРИАНТОВ ОБОСНОВАНИЯ ПРАВА

Статья анализирует основные методологические различия в философии права И. Канта и Г.-В.-Ф. Гегеля. Утверждается, что в них дается принципиально разное обоснование права: Кант обосновывает право моралью, всеобщим моральным законом, а Гегель мораль обосновывает правом, само право как идея обоснования не требует.

Ключевые слова: труды Гегеля и Канта, философия, гражданское общество, государство.

Философии права известна проблема обоснования. Это проблема не только логическая и для своего решения требует не только или не столько доказательств, сколько аргументов, способных не просто подтвердить, но ещё и убедить. Любая процедура обоснования в области философии права – это процедура не только логико-методологическая, но и общеправовая, так как связана с неустранимой необходимостью ответа на вопрос «что есть право?».

В современных теориях права, как известно, можно обнаружить существенные методологические различия: юснатурализм, позитивизм, либерализм, коммуитаризм, этатизм – это общие имена как основы для классификаций различных теоретических точек зрения. На чем делает упор тот или иной мыслитель, какая идея – личности, индивида, свободы или народа, нации, общества – движет его рассуждения, это и определяет направление, «вектор» его аргументации. В данной статье выражается мысль о том, что суть и истоки весьма многих современных теоретических различий можно глубже понять и осмыслить с помощью обращения к классическому философско-правовому наследию, в частности, к трудам И. Канта и Г.-В.-Ф. Гегеля. Влияние гегельянства можно обнаружить в правовых доктринах коммуитаризма, этатизма и даже тоталитаризма, тогда как в философии И. Канта можно увидеть одно из самых последовательных обоснований правового либерализма. Целью статьи является формулировка методологических и мировоззренческих различий в установках кантовской и гегелевской философии, давших основание различию в интерпретации смысла и роли права.

Начнем, на первый взгляд, с несущественного различия, касающегося взгляда на международное право. Как известно, Кант придавал большое значение международно-правовым вопросам, поставив и решив их в своем знаменитом учении о «вечном мире», в котором нашли единство и морально-философские, и политиче-

ские, и правовые, и философско-исторические взгляды И. Канта. Установление вечного, ненарушимого мира между народами он рассматривает в качестве цели всей системы международного права, призванного обеспечить, сохранить и реализовать моральные принципы в отношениях между государствами. Основу международного права, как об этом пишет Кант в статье «К вечному миру», должен составлять добровольный союз государств, аналогичный по смыслу и устройству гражданскому обществу. Как в гражданском обществе каждому члену гарантируются его права, так и в международных отношениях каждому, даже самому маленькому государству должны гарантироваться права, равные с правами других государств. Этот добровольный союз, пишет Кант, «имеет целью не приобретение власти государства, а исключительно лишь поддержание и обеспечение свободы государства для него самого и в то же время для других союзных государств, причем это не создает для них необходимости (подобно людям в естественном состоянии) подчиниться публичным законам и их принуждению» [28 с.274]. Народы в качестве государств как субъектов международного права он предлагает рассматривать по аналогии с отдельными личностями – в естественном состоянии между ними неизбежна война. Однако «разум с высоты морально законодательствующей власти, безусловно, ожидает войну как правовую категорию» [там же, с.274] – война есть именно естественное, а не правовое состояние международных отношений. Предполагаемый Кантом «союз народов» должен быть именно правовым «союзом мира», который отличается от мирного договора – целью такого договора является окончание одной конкретной войны, цель союза народов есть конец всем войнам и навсегда. Понятие международного права на права на войну для Канта вообще немислимо - в таком случае это должно быть право «не по общезначимым внешним законам, ограничивающим свободу каждого отдельного человека, а по односторонним максимум каждого силой решать вопрос о праве» [там же, с.275]. Поэтому формой реализации идеи международного права должен стать не новый самостоятельный субъект – мировая республика, а союз республик, отвергающих войну, союз постоянно существующий и расширяющийся.

Союз государств, заключаемый в целях достижения мира, должен быть именно «союзом народов», а не самостоятельным государственным устройством. Такой орган призван только предотвращать войны, а принудительные санкции, которыми он должен располагать, ни коим образом не должны ущемлять национального суверенитета отдельных республик. Такой орган призван хранить мирный союз государств, быть хранителем свободы и независимости каждого народа, защитником всеобщего мира.

Такое оформление международного права, по Канту, должно предусматривать «право всемирного гражданства», которое он обосновывает тем, что «первоначально никто не имеет большего права, чем другой, на существование в этом месте», а «право на земную поверхность» принадлежит всему человечеству [там же, с.276]. Это означает, что каждый вправе рассчитывать на свободное посещение любого места «земной поверхности», что должно быть закреплено в праве на «гостеприимство» как право каждого чужестранца, в какую бы страну он ни прибыл, не быть там принятым в качестве врага. Пока чужестранец ведет себя в этой стране мирно, то

никто не вправе обращаться с ним враждебно – негостеприимство противоречит естественному праву каждого.

Отношение к международному праву и его оценка в философии Гегеля иные. Единственный принцип, на котором основывается международное право, по Гегелю, состоит в том, что договоры между государствами должны выполняться. Однако, поскольку государства – суверенные образования, то, по мнению Гегеля, в отношении друг к другу они находятся, как это ни странно, в естественном состоянии. На его языке это значит, что их права осуществляются в их же «особенной воле» [2, с. 366]. Всеобщее же подчинение международному законодательству он рассматривает только как долженствование, которое всегда опровергается действительностью. «Кантовское представление о вечном мире, поддерживаемом союзом государств... предполагает согласие государств...» - пишет Гегель, а это согласие и его осуществление, по его мнению, - лишь дело случая. Мир может наступить только после войны, именно «война содержит в себе определение международного права, устанавливающее, что в войне содержится возможность мира» [2, с.368] – рассуждает он. Над государствами нет, как он выражается, «претора», каждое особенное государство вправе отстаивать собственное благо в войне, оно естественным образом может войной реагировать и на таящуюся, по его мнению, в политике другого государства опасность для себя [2, с.369]. Рассудить, в конечном счете, межгосударственный спор, кроме войны может только суд «мирового духа», «суд истории» [там же]. Мировая история же распоряжается так, что определенной ступени развития мирового духа, определенной исторической эпохе может соответствовать одно государство, один народ, живущий именно на этой ступени духа. Тогда, когда определенная ступень духа обретает, как пишет Гегель, «свое абсолютное право» [2, с.371], тогда «живущий на этой ступени мирового духа народ и его деяния обретают свое осуществление, и счастье, и славу» (там же). Такое обретение и счастье может выпасть на долю одного народа один раз в истории, но тогда при его абсолютном праве все остальные народы неправы, «и они, подобно тем, чья эпоха минула, больше не принимаются в расчет во всемирной истории» [2, с. 372] (вот такая неудача!).

Ещё один повод для противопоставления кантовской и гегелевской философии права дает их взгляд и оценка сословных различий. Кант в своей модели правового государства не видит места сословным различиям, а Гегель считает наличие сословий неотъемлемым признаком гражданского общества.

Поясняя свой тезис о необходимости сохранения в гражданском обществе сословных различий, Гегель пишет о том, что противопоставление формального равенства и природного неравенства «относится к области пустого рассудка», который своё долженствование (разумное требование равенства) иллюзорно принимает за «реальное и разумное» [2, с. 240]. «Разнообразные средства», продолжает Гегель, их движение и обмен образуют «всеобщие массы, так что вся совокупность формируется в особенные системы потребностей, их средств и труда, способ и характеров удовлетворения и теоретической и практической культуры, - в системы, по которым распределены индивиды, - в различие сословий» [2,с.241]. Наличие сословий (по Гегелю, субстанциального (земледельцы), промышленного (ремесленники,

фабриканты, торговцы), всеобщего (чиновники)) требует своей реализации в институте сословных представителей, депутатов, по поводу которых, отмечает Гегель, бытует мнение, что они якобы понимают, чего хочет народ и знают, что идет ему на пользу. Однако на самом деле, убежден он, «народ...представляет собой ту часть, которая не знает, чего она хочет. Знание чего хочешь, а тем более чего хочет в себе и для себя сушая воля, разум – плод глубокого познания и разумения, что именно и не есть дело народа» [2,с.340]. Таким знанием, по Гегелю, обладают именно государственные чиновники, именно они в состоянии «без сословных представителей совершать наилучшее» [там же].

В отличие от Гегеля Кант как активный сторонник идеи равенства делит всех членов гражданского общества на активных и пассивных граждан. Пассивные – все те, кто «вынужден поддерживать свое существование (питание и защиту) не собственным занятием, а по распоряжению других (за исключением распоряжения со стороны государства)», а разница между пассивным и активным такова же, как и между домашним учителем и школьным преподавателем, между оброчным крестьянином и арендатором [3,с. 235]. Стало быть, эти различия вполне устранимы, была бы на то воля индивида, а, главное, никоим образом не противоречат свободе и равенству этих лиц как людей, которые вместе составляют народ», а положительные законы, которые этот народ принимает и на которые дают согласие эти лица, не должны противоречить их свободе, а сами они «не должны противиться возможности перейти из этого пассивного состояния в активное» [3,с.236]. На чем же конкретно основана гражданская активность? На неотъемлемых правовых атрибутах граждан, которыми, по Канту, являются «свобода каждого не повиноваться иному закону, кроме того, на который он дал свое согласие; гражданское равенство – признавать стоящим выше себя только того в составе народа, на кого он имеет моральную способность налагать такие же правовые обязанности, какие этот может налагать на него; в-третьих, атрибут гражданской самостоятельности – быть обязанным своим существованием и содержанием не произволу кого-то другого в составе народа, а собственным правам и силам...в правовых делах гражданская личность не должна быть представлена никем другим» [3, с. 235].

Как можно увидеть, существенная разница позиций Канта и Гегеля по вопросу об устройстве разумного гражданского общества связана с разным подходом к самому понятию «народ» и ответу на вопрос о его роли в прояснении сути, смысла и предназначения государства. Позиция Канта проста и понятна, он, можно сказать, задает себе вопросы: почему люди должны жить в государстве? как можно понять преимущества гражданского состояния по отношению к естественному? на основе чего можно мыслить правомерность государства? И отвечает: государство образует сам народ, идея государства, как бы «гарантирующая» ему право быть, «акт, через который сам народ конституируется в государство» есть первоначальный договор. Это такой договор, состоя в котором, «все (omnes et singuli) в составе народа» совершенно оставляют «дикую, не основанную на законе свободу», и вступают во всеобщую зависимость, основанную на законе, человек же при этом приобретает свободу вообще как зависимость от «его собственной законодательствующей воли» [3,с. 237].

Для Гегеля же «народ» есть чернь, то есть, многие, то есть, неразумные. Поэтому и к идее договора, из которой возможно понять суть государства, у него совершенно иное отношение – договором можно объяснить только вещные отношения, отношения собственности, государство же имеет, по его мнению, иную сферу, «более высокую по своей природе» [2, с. 130]. Критикуя Канта, он пишет, что «привнесение договорного отношения, так же, как и отношений частной собственности вообще, в государственное отношение привело к величайшей путанице в государственном праве и действительности» [2, с. 129]. Другими словами, идея договорного происхождения государства, по его мнению, принижает статус самого государства, а за таким «унижением» следует, соответственно и непонимание, незнание его сути. Это незнание сути государства ведет к непониманию сути человека, его назначения, ведь «индивиды не могут по своему произволу отделиться от государства, так как они являются его гражданами с природной стороны. Разумное назначение человека – жить в государстве...каждому абсолютно необходимо быть в государстве» [2, с. 130]. Не государство является продуктом совокупной воли людей, а, напротив того, человек – продукт государства, это государство «должно давать разрешение вступить в него или выйти из него; это, следовательно, не зависит от произвола отдельных людей, и государство зиждется тем самым не на договоре, предпосылкой которого служит произвол» [там же].

Рассуждения о договоре обнаруживают, что Кант и Гегель придают разное значение понятию «произвол». Кант фактически под произволом понимает осознанное желание действовать по собственному усмотрению, а именно: одна из главных способностей души, способность желания, может реализоваться как бы из себя самой, а не зависеть от внешних объектов, то есть, человек может действовать, как говорится, по велению души. Если бы человек руководствовался только своими склонностями, чувственными побуждениями, то его произвол был бы чисто животным, но – и в этом все дело, – человеческий произвол не «чист» (не однороден), в нем всегда есть и разумная компонента. Если у разума есть соответствующий навык, то произвол может опираться только на разумные основания, то есть, по Канту, быть свободным.

Гегелевское понимание произвола, если можно так выразиться, более трагично: произвол есть противоречие, утверждает он. Обычно, в обиходе, то есть, обычные люди произвол принимают за свободу – думая, что, если у них есть выбор, то есть и свобода. Это иллюзия: «обыкновенный человек полагает, что он свободен, если ему дозволено действовать по собственному произволу, между тем, именно в произволе заключена причина его несвободы» [2, с. 81]. Точка зрения обычного человека, на которую сам Гегель смотрит как бы свысока, не позволяет понять, что есть истинная свобода, но в качестве идеи она доступна тому, кто поднялся на высшую ступень познания истины, на этой ступени становится ясно, что истинное право и есть свобода, то есть, высшая ступень развития разума. Здесь становится отчетливо видно то, что Гегель называл кругом в философии – «Философия образует круг» [2, с. 61] – и образуется он тогда, когда философ, пройдя как бы «сквозь» трудности познания, придя к противоречиям, позволяет себе пройти и «сквозь» них, достигая высшей ступени теоретического познания, приходит к познанию того, с чего позна-

ние началось. Понятно, что для «обычного» человека это практически недоступно, это либо открывается гениальному философу (Гегелю?), либо этому надо долго учиться (у Гегеля?): «Мысль о праве не есть нечто такое, чем каждый обладает непосредственно; лишь правильное мышление есть знание и познание предмета, и поэтому наше познание должно быть научным» [2, с.58].

Точка зрения Канта здесь принципиально иная – это точка зрения именно «обычного» человека, который не может понять, как можно мыслить противоречиями. Наличие противоречия для человека здравого рассудка, то есть, способного рассуждать, судить, всегда является признаком ошибки, своеобразным стоп-сигналом для познания. Мышление с противоречиями, то есть, диалектика, для Канта всегда есть иллюзия, «логика видимости» [см.4], требующая устранения. Кроме того, по вопросу о свободе (а также о бессмертии души и бытии Бога) никто, даже самый искушенный философ не может знать больше любого обычного человека именно потому, что на этот вопрос знание не может дать ответ. Именно поэтому кантовская философия в качестве смыслового ядра, своеобразной «сердцевины» имеет идею моральной автономии личности, а без понимания того, что есть мораль, нельзя понять смысл и назначение права. Этот «моральный закон внутри меня» - универсальный посредник межличностных отношений, благодаря которому каждый может понять, что моя свобода может иметь только одно ограничение – свободу другого. «Понятие права можно усмотреть непосредственно в возможности сочетать взаимное принуждение со свободой каждого» - пишет Кант [3, с.141]. Коль скоро каждый разумный человек уже имеет моральный закон внутри себя, право и должно играть роль того, что стоит на страже моральной автономии свободной личности, личности, способной самой себе дать закон. Отсюда и знаменитый кантовский «всеобщий принцип права»: «Прав любой поступок, который или согласно максиме которого свобода произвола каждого совместима со свободой каждого в соответствии со всеобщим законом» [там же, с.140]. Государство и есть результат общественного договора как договора уже свободных, разумных, моральных личностей.

Понимание сути и смысла соотношения морали и права Гегелем совершенно иные. Критикуя кантовский принцип, он пишет о его «формализме» и приверженности закону противоречия (то есть, о том, что законы логики в нем не нарушены!), а также о «поверхности мыслей» [2, с.90], на которой он основан. Сам же он трактует идею права предельно широко, так как, в конечном счете, оно есть мировой процесс – процесс самореализации свободного разума, духа, идеи. Этот процесс и логический, и исторический, поэтому, чтобы понять во всей глубине и широте сложнейшую из идей, идею права, надо быть энциклопедически образованным человеком, а высшей ступенью познания является, как известно, по Гегелю, теоретическая философия. Чтобы понять идею права, надо как бы подниматься по винтовой лестнице, ведущей вниз, смысл идеи раскрывается вместе с познанием ступеней её развития – абстрактного права, моральности и нравственности. На последней ступени мы понимаем, что во всей полноте реализуется право только в господствующих нравах, в нравственности, которой не бывает без государства, поэтому «государство есть действительность нравственной идеи – нравственный дух как очевидная, самой

себе ясная, субстанциальная воля, которая мыслит и знает себя и выполняет то, что она знает и поскольку она это знает» [2, с.279]. Все эти ступени есть ступени развития свободы, отсюда и гегелевское понимание права: «право есть вообще свобода как идея» [там же, с.89]. Мораль же в этом контексте есть только одна из ступеней развития идеи права.

Итак, мы видим, что в кантовской и гегелевской философии даются принципиально различные варианты обоснования права, основной вопрос кантовской философии права: «каким должно быть право?», основной вопрос гегелевской философии права: «как познать право?». И. Кант как бы подчиняет право морали (как средство – цели) и дает моральное обоснование права, а Г.-В.-Ф. Гегель подчиняет мораль праву и обосновывает мораль правом, а само право как идея в его философии не требует обоснования. Основной вопрос кантовской философии права: «каким должно быть право?», основной вопрос гегелевской философии права: «как познать право?».

Список использованных источников и литература:

1. Кант И. К вечному миру. // Кант И. Сочинения в шести томах. Т.6. – М.: Мысль, 1966.
2. Гегель Г.-В.-Ф. Философия права – М.: Мысль, 1990.
3. Кант И. Метафизика нравов в двух частях. Ч.1. Метафизические начала учения о праве // Кант И. Сочинения в шести томах. Т.4, ч.2.- М., Мысль, 1965.
4. Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Сочинения в шести томах. Т.3. – М.: Мысль, 1964.

Таран П.Є. Методологічні розходження кантівського і гегелівського варіантів обґрунтування права.

Стаття аналізує основні методологічні розходження у філософії права І. Канта і Г. Гегеля. Затверджується, що у них дається принципіально різні обґрунтування права: Кант обґрунтовує право мораллю, всесвітнім моральним законом, а Гегель мораль обґрунтовує правом, само право як ідея обґрунтування не потребує.

Ключові слова: праці Гегеля та Канта, філософія, цивільне суспільство, держава.

Taran P.E. The methodological difference Kant's and Hegel's versions of substantiation of law.

The article analyses the main I. Kant's and G. Hegel's methodological difference at philosophy of law. The author contends that Kant and Hegel gave on principle different substantiation of law: Kant grounds law by moral, but Hegel grounds moral by law, right itself as idea doesn't demand the substantiation.

Key words: works of Hegel and Kant, philosophy, civil society, state.

Пост упила в редакцію 03.04.2008 г.